

МЕТОНИМИЯ И КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА КАК РЕЗУЛЬТАТЫ ВОПЛОЩЕНИЯ КОНЦЕПТА-СЦЕНАРИЯ В РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ СЦЕНАРИЯ ПОНИМАНИЯ)**

В статье рассматривается роль типа концепта в образовании когнитивной метафоры и метонимии. Предметом исследования является механизм образования когнитивной метафоры и лексической метонимии на базе концепта-сценария и параллелизм их возникновения и использования в речи при отражении одной и той же ситуации действительности, в данном случае при номинации и метафорической концептуализации ситуации понимания как ментального акта. Генезис метафоры и метонимии связан с сокращением словесной или синтаксической цепочки при репрезентации процесса понимания в речи. Показана обусловленность когнитивной метафоры сценарного типа и сценарной метонимии структурой сценария как разновидности концепта на фоне других способов воплощения концепта сценарного типа в речи.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептуализация, концепт, сценарий, когнитивная метафора, типология метонимии, сценарная метонимия, перцептивная метафора.

Метонимические переносы и метафорические модели когнитивного типа в своем генезисе предопределены структурой концепта, на базе которого они образованы. Типы метонимических переносов – фреймовый, пропозициональный, сценарный – в общем виде охарактеризованы в статье [1] с опорой на объединяющие все три типа отношения целого и части.

Предметом данной статьи является когнитивная метафора и лексическая метонимия, восходящие к концепту-сценарию, то есть отражающие особенности структуры концепта этого типа, более того, восходящие к одному и тому же концепту-сценарию, организующему знание о процессе познания (понимания) (о метонимии сценарного типа см. [2]).

Сценарий в ряду других типов концепта отличается динамическим характером: кодирует знания о сложном событии, разворачивающемся во времени (иногда и в пространстве – сценарий путешествия), складывается из нескольких стандартных этапов.

При репрезентации события-сценария в речи действует тенденция к сокращению отдельных актов, из которых состоит это событие. Именно в результате сокращения цепочки при речевой репрезентации события-сценария могут образоваться и метонимическая, и метафорическая модели.

Поскольку сценарная структура концепта находит отражение в речи не только в особом (сценарном) типе метонимии, но и, как будет показано далее, в одноименном

---

* © Илюхина Н.А., 2016

Илюхина Надежда Алексеевна (ilnadezhda@rambler.ru), кафедра русского языка и массовой коммуникации, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**Исследование выполнено при поддержке РГНФ и Правительства Самарской области (проект «Образная номинация и образная концептуализация знаний о мире в семантической системе: языковой и когнитивный аспекты» № 15-14-63002).

типе метафоры, можно сказать, что метонимия и метафора представляют собой в проекции на речь два «образных» следствия, проистекающих из сценарного способа структурирования, организации и воспроизведения знания о ситуации.

Сказанное относится и к перцептивной метафоре *сенсорное восприятие* — понимание, которая представляет сценарный тип метафоры. Приведем примеры перцептивной метафоры: *Власть проглядела или не захотела увидеть надвигающейся опасности* (Костиков); *Иван Ильич проглотил волнение, сел рядом и сказал глухим голосом: — Не знаю, как вы взглянете на мой поступок, но я намеренно не вылез в Кинешме. — Как я посмотрю на ваш поступок? Ну, этого я не скажу* (А.Н. Толстой); *Исполнитель он был, пожалуй, вовсе не дурной, только вот в творцы совсем не годился<...> не настолько зряч был, чтобы видеть в любой обстановке все главное и важное* (Фурманов); — *Нет, полковник, я вас давно раскусил, я вас насквозь понимаю! Вас гложет самое неограниченное самолюбие...* (Достоевский); *Как они об этом пронюхали?*

Обратимся к сути процесса познания, который может интерпретироваться как сценарий. В научной литературе подчеркивается органическая связь мышления и сенсорного восприятия. Опираясь на это положение, Л.В. Балашова [3] объясняет происхождение сенсорной метафоры в древнерусском языке тем, что перцепция и интеллектуальный акт связаны органически: перцепция обеспечивает последующее осмысление, постижение предмета, ставшего объектом восприятия, и эти два акта ассоциативно связываются в сознании. Л.В. Балашова пишет: «Человек как личность характеризуется способностью к познавательной, интеллектуальной и эмоциональной деятельности. При формировании соответствующей когнитивной модели связь человека с внешним миром через перцептивные органы ассоциируется с процессами познания, получения различной информации интеллектуального и эмоционального свойства (Здесь и далее полужирным шрифтом выделено нами. — Н.И.). <...> В соответствии с этой моделью **сам процесс восприятия связан с процессом познания сущности мира, внутренних связей вещей**, получения разного рода информации, причем характер переносного значения, тип информации во многом определяется каналом перцептивной связи — зрительным, слуховым, осязательным и т. п.» [3]. Автор приводит многочисленные примеры когнитивных метафор, которые через образ чувственного восприятия характеризуют интеллектуальную деятельность как в древнерусском, так и в современном языке: «*смотреть* значит заниматься интеллектуальной деятельностью, пытаться понять, осмыслить (ср.: **сьмотрѣти** ‘разбирать, обсуждать’, **призирати** ‘исследовать’); *видеть* — добиться успеха в осмыслении, узнать, понять, осмыслить (ср.: **видѣти** ‘понимать, сознавать’, **облюсти** ‘наблюдая, понять, постичь’, **рассьмотрити** ‘узнать’); орган зрения — средство и источник познания (око ‘ум, способность видеть и познавать’); делать объект доступным *зрительному восприятию* значит давать знание о чем- или ком-либо, постигать истину, сущность явлений (**открѣвнѣние** ‘раскрытие тайны’, ‘духовное видение, проникновение в тайну, внушаемое свыше’; **обнажати** ‘открывать, обнаруживать, разоблачать’); *не видеть* значит не понимать, не получать информации о чем-либо, не обладать способностью к логическому осмыслению полученной извне информации (ср.: **ослѣпити** ‘лишить разума’, **ослѣпление** ‘неведение истины’); *делать объект недоступным для зрительного восприятия* — скрывать информацию, истину, превращать ее в тайну (ср.: **неіавимыи** ‘тайный’, **неіавленіе** ‘загадочность, непонятность’, ‘неизвестность’; **ськрыти** ‘делать непонятным) и т. п. Например: **Ослѣпима ~кнзыпрельстии и не разумѣхъ, яко ~члвкъ. ПОтрXIV, I, 115**» [3].

Аналогично Л.В. Балашова описывает формирование метафорических моделей, объединяющих акт слухового, вкусового, обонятельного, осязательного восприятия объекта и акт интеллектуального постижения этого объекта, и делает вывод: «Таким образом, лексика восприятия уже в древнерусском языке формирует достаточно чет-

кую и компактную систему средств выражения различного типа интеллектуальной и эмоциональной деятельности <...> В частности, это проявляется в значительном увеличении членов метафорического поля <...>» [3].

Вместе с тем остается непонятным важный аспект – как именно естественная связь этих двух этапов процесса познания превращается в метафорическую модель, каким образом между ними возникают отношения сходства, создающего метафору. Объяснить этот аспект позволяет когнитивный взгляд на образование такой метафоры в связке с метонимией.

С когнитивных позиций устойчивую связь между актом восприятия и актом познания сущности объекта следует трактовать как **естественную связь актов сенсорного восприятия и осмысления в общем процессе познания**, как связь отдельных этапов общего процесса, кодируемого концептом-сценарием. Восприятие объекта (зрительное, слуховое и др.) выступает условием интеллектуального постижения этого объекта.

Сценарная логика связи этих действий выражается в речи многообразно.

1. В чрезвычайной устойчивости рассматриваемых в данной статье перцептивных метафор – метафорических моделей *сенсорное восприятие – понимание* с периода древнерусского языка до наших дней.

2. В этимологии многих названий, связанных с интеллектуальной сферой и восходящих к семантике чувственного восприятия. В основе названий интеллектуальных качеств или актов лежат слова с семантикой восприятия или других действий (движения, проникновения, приобщения объекта), обеспечивающих условия для восприятия. Так, лексема *внимательно*, этимологически связанная со слуховым восприятием, в современном языке характеризуют целенаправленное зрительное и слуховое восприятие с **установкой на понимание, осмысление** сути воспринятого; «прилагательное **глоупый** восходит к тому же корню, что и **глоухий**» [3]. Об этом пишет Н.В. Каныгина: «Для описания понимания русский язык изначально “брал” нементальные и неинтеллектуальные корни (примеры с глаголами *понимать, постигать, вникать* подтверждают это), ему как будто было недостаточно ментальных корней *-мысл- / -мышл-* и *-дум-* и др. Для описания ситуации понимания языку требовались корневые морфемы других семантических групп, подчеркивающие сложность этого процесса и его специфику как процесса достижения нового знания. Примеры происхождения глаголов *понимати, постигати* и *вникнути* показывают, как изначально глагол приобщения *имати*, глагол движения *достигати* и глагол конкретного физического действия *проникнути* превратились в глаголы интеллектуальной деятельности со значением “иметь что-либо взятым, понятым”, “достичь понимания” и “проникнуть в суть чего-либо”» [4, с. 92].

3. В существовании модели **метонимического** обозначения интеллектуального акта понимания через название сенсорного восприятия. Приведем примеры метонимического использования слов с семантикой восприятия как **одного из частных актов** познания для обозначения всего **комплекса актов**, включающих восприятие и осмысление, оценку объекта, в том числе чьей-либо речи: *Научный руководитель уже смотрел эту главу* (читал, оценивал); *Послушайте мои стихи* (оцените или насладитесь их содержанием); *Перед покупкой рыбы ее рекомендуется понюхать* (оценить, убедиться в ее свежести); *Просмотри этот абзац* – проверь, выведи; *Взгляните на эту фотографию* (ожидается реакция узнавания, оценки); *Я просмотрела всю картотеку* (но ничего не нашла); *Прослушала кассету трижды* (с целью понять, найти что-либо и т. п.); *Надо попробовать на вкус это блюдо* (оценить); *Он не заглядывал в учебник* (не учил); *Он прислушался к совету / словам отца* (осмыслил совет и согласился с ним); *Она не слушает бабушку* (не вникает в ее советы, не учитывает ее мнения); *Вы присмотритесь к этой женщине* (проанализируйте и оцените ее).

Приведенные факты подтверждают включенность действия восприятия и действия осмысления, интеллектуальной оценки в **общий сценарий познания реалии**:

собственно *восприятие* как получение новой информации визуальным, тактильным, слуховым и т. п. путем и *осмысление* этой информации, выведение из нее нового знания постоянно сопровождают друг друга. Связь между ними укладывается в сценарную логику: один акт наступает вслед за другим, а **название одного из актов** (начального акта восприятия) сценария **служит обозначением всего процесса**, в том числе конечного акта — акта понимания, т. е. выступает в качестве метонимии.

4. Четвертая группа фактов проливает свет на **генезис и сценарной метонимии, и метафоры сценарного типа**.

Речевая репрезентация процесса познания-понимания часто наблюдается в лексико-синтаксических сочетаниях типа *заглянул и понял* (зрительное восприятие и понимание), *лизнул и понял* (вкусовое восприятие и понимание), *прикоснулся и понял* (осозательное восприятие и понимание), *прислушался и понял* (слуховое восприятие и понимание), *потянул носом и догадался* (обонятельное восприятие и понимание), *потрогал тело, и понял, услышал крики, и стало ясно*. В конструкции с предикатом целенаправленного зрительного, слухового, обонятельного и т. д. действия или восприятия и предикатом мышления (*присмотрелся и понял, увидел и понял*) **эксплицитно** и развернуто **выражен сценарий** комплексного действия постижения, например: *Я заглянул в комнату, увидел разбросанные игрушки и понял, что к нам привезли внука*.

Наряду с эксплицитным способом показа сценария ситуативного познания под действием закона экономии речевых усилий оформляется **имплицитный** способ передачи многоактного события — сокращение речевой цепочки за счет одного из предикатов. В зависимости от того, какой именно предикат сохраняется, возникают разные эффекты. Рассмотрим три варианта сокращения речевой цепочки при передаче сценария события.

1. При сохранении предиката мышления *понял* (*догадался, стало ясно* и под.) наблюдается свернутая **безобразная** передача всего процесса: *по его лицу / голосу / прикосновению / запаху / вкусу понял...* *По лицу понял его состояние*. Эта конструкция сохраняет указание на оба этапа — на сенсорное восприятие (сочетание *по лицу*) и на интеллектуальный акт (глагол *понял*).

2. При сохранении другого предиката — со значением сенсорного восприятия — *видел, слышал* и под. наблюдаются два образных следствия: в одних случаях возникает метонимия, в других — метафора.

А. Приведем примеры **сценарной метонимии**: *Преподаватель еще не смотрел мою курсовую работу* — предполагается сценарий, включающий и восприятие как начальный акт; *Он много повидал в жизни* — видел, пережил, познал; *Она не слушает слов бабушки* — отвергает ее мнение, совет. См. также примеры выше. В этих случаях глагол сенсорного восприятия, называющий часть процесса, в данном случае обозначает сценарий целиком, включая конечный акт понимания.

Б. Примеры **сценарной метафоры**, образовавшейся при сохранении предиката восприятия: *Визу твоё желание переложить свою работу на других* (воспринимаю определенные действия и осмысляю их с точки зрения цели — желания переложить работу на других); *Давайте рассмотрим этот вопрос*; *Слышу в твоих словах элементы шантажа*; *Ясно видно твоё превосходство в поэтическом мастерстве*; *Ему удалось об этом пронюхать заранее*; *Похоже, в Кремле почувствовали опасность, исходящую от временищиков*. *В послании президента слышится понимание того, что если в России и поднимется новая волна недовольства и протестов, то она возникнет не по прихоти «сытой интеллигенции», не от происков «иностранных агентов», а по причине того, что по просторам России рыскают летучие отряды временищиков* (Костикив).

В чем разница в механизме образования метонимии и метафоры, если обе они именуется сценарий в целом? Метонимия образуется в условиях типовой («нормальной») сочетаемости предиката сенсорного восприятия с названием объекта, допускающего такое восприятие, имеющего конкретно-предметную природу: *не слушал слов бабушки, смотрел*

курсовую работу и под. А метафора рождается в условиях «сочетания несочетаемого» — когда предикат сенсорного восприятия сочетается с обозначением абстрактной сущности, которая представляет собой не воспринимаемый сенсорно объект, **а результат его осмысления**: *В чем вы видите опасность?* — *В том, что решение созрело неожиданно*. Это синтагматическое условие предопределяет метафорическое прочтение высказывания.

Однако думается, что такие выражения, по сути дела, балансируют между метонимическим и метафорическим восприятием, допускают и метонимическое прочтение, ср.: *В чем вы видите опасность?* — *В том, что здание заметно накренилось* (есть акт зрительного восприятия).

В условиях предельного сближения метафоры и метонимии — по сути дела, общего механизма их возникновения и идентичности содержания фраз (они отражают одну и ту же ситуацию и выражают один смысл) — неудивительно, что есть выражения, идентифицировать которые как метафору или метонимию не представляется возможным, например: *В чем вы видите слабость этого спортсмена?*; *Я вижу вашу проблему в том, что пользуетесь не тем методом*; *Каков ваш взгляд на эти события?* *Поделитесь своим взглядом на эти события* (своим мнением, своей оценкой, т. е. результатом осмысления этих событий). К тому же в последних примерах не исключается, что собеседник являлся участником или очевидцем событий, т. е. воспринимал их и сенсорно (= поделитесь увиденным и его аналитической оценкой).

Развитию метафоры в этих условиях способствует действие аналогии: обозначение сенсорного акта *вижу* начинает употребляться для обозначения ситуации понимания, **не предполагающей сенсорного восприятия вообще или конкретного типа восприятия** (зрительного, обонятельного и др.): *Вижу в твоих словах шантаж* (ситуация наряду с интеллектуальным актом предполагает слуховое восприятие, а не зрительное); *Мы видим (усматриваем) в этом поступке слабость* (ситуация может не предполагать сенсорного восприятия постигаемого объекта); *Мы не видим в этом греха*; *На мой взгляд, следует поступить иначе*; *Он пришел сюда разнюхать наши планы*; *Все почували надвигающуюся беду*.

Далее метафорический образ подвергается лексическому варьированию. Так, метафора зрительного восприятия воплощается широким кругом средств, исключаящих метонимическую трактовку: *На ее лице он прочитал сомнение*; *После обмана он наконец прозрел, пелена упала с глаз*; *Человек он недалновидный*; *Давайте заглянем в будущее*; *Надо освободиться от шор*. А лексическое варьирование, как известно, является безусловным знаком метафорического восприятия в отличие от метонимии.

Отметим, что становление интеллектуальной семантики у глаголов *понимати*, *достигати*, *проникнути*, *вникнути* в древнерусском языке произошло в рамках этой же логики и этого же сценария: глаголы приобщения объекта и движения называют условие восприятия объекта (достигнуть — увидеть — понять).

Можно ли считать, что метафора в данном случае возникает самостоятельно, параллельно с метонимией? Нет, в образовании метафоры (подчеркнем — именно когнитивной метафоры, которая моделирует абстрактную сущность сквозь призму конкретной, сенсорно воспринимаемой) участвует метонимический механизм как обязательное условие. Он проявляется прежде всего в интенции: сокращение речевой цепочки за счет опущения части выражения — это примета метонимии (ср.: *три тарелки съел*). Во-вторых, именование целого (в данном случае — сценария ситуации понимания) по названию его части — это тоже свойство метонимии. И лишь когда мы наблюдаем факт лексического варьирования (выход за рамки типичных обозначений сенсорного восприятия), можно говорить о состоявшейся метафоре. Этот вывод вполне объясняет то, каким образом возникает впечатление сходства между абстрактной и конкретной реалией (между интеллектуальным актом понимания и физическим актом восприятия). Метафора как ассоциация по сходству возникает в условиях уже состоявшегося отождествления двух **смежных актов** единого процесса (восприятия и понимания: видел = понял), т. е. отождествления на основе

метонимии. Переход от ассоциации по смежности к ассоциации по сходству (от метонимии к метафоре) возникает, так сказать, по принципу когнитивного «замыкания», когда в рамках одного сочетания оказываются не сочетающиеся в норме слова (*увидел / почувствовал проблему в отношениях*: наблюдение ненаблюдаемого), которые допускают лишь метафорическое прочтение. Так происходит одномоментное незаметное соскальзывание из метонимической плоскости в метафорическую.

Вывод о том, что когнитивная метафора, которая концептуализирует абстрактную сущность по образу и подобию конкретной, в своем генезисе опирается на конкретную реалию, **смежную** с абстрактной реалией, т. е. в предыстории имеет метонимический механизм, коррелирует с мнением, что когнитивная метафора не отталкивается в своем генезисе от уловленного сознанием сходства между реалиями, а создает это сходство, см. об этом в [7; 8]. Вывод о роли метонимического механизма в генезисе когнитивной метафоры ранее был сделан нами на материале метафор, связанных с фреймовым типом концепта [8], в данном случае он получил подтверждение на примере сценарного типа концепта.

В заключение укажем на то, что в данном случае **динамические процессы** в языке и речи обязаны взаимодействию ментальных и языковых единиц (см. об этом взаимодействии также в [5; 6]): разной проекции ментальной единицы – концепта-сценария – на речь под влиянием закона экономии речевых усилий. Трансформацию концепта как единой ментальной единицы на речевом уровне можно интерпретировать как своеобразную бифуркацию (раздвоение), получающую оформление как метонимия и как метафора. При этом метонимия и метафора сопровождают друг друга в речи, обслуживая одну и ту же ситуацию внеязыковой действительности.

Подчеркнем роль партитивного принципа в организации и речевом воспроизведении знания о сложном объекте (в данном случае о ситуации понимания), который предопределяет образование не только метонимии (что является общеизвестным фактом), но и когнитивной метафоры.

Библиографический список

1. Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7. С. 36–48.
2. Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 9–16.
3. Балашова Л.В. Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 4. С. 81–84. URL: <http://www.omsu.ru/vestnik/articles/y1999-i4/a081/article.html>.
4. Каныгина Н.В. Историко-этимологический анализ глаголов лексико-семантического поля интеллектуальной деятельности в русском языке // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 4. С. 83–92.
5. Talmy L. Lexicalization pattern: semantic structures in lexical forms // Language typology and syntactic description. V. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1985. P. 57–149.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
7. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
8. Илюхина Н.А. Порождение когнитивной метафоры в аспекте осознаваемости-неосознаваемости говорящим // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–1(99). С. 111–118.

References

1. Iliukhina N.A. *O tipologii leksicheskoi metonimii v svete kognitivnogo printsipa* [On the typology of lexical metonymy in the light of cognitive principle]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 7, pp. 36–48 [in Russian].

2. Iliukhina N.A. *Stsenarnaia metonimiia: mekhanizm obrazovaniia i nekotorye raznovidnosti* [Script metonymy: mechanism of formation and some varieties]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2015, no. 11 (133), pp. 9–16 [in Russian].
3. Balashova L.V. *Kognitivnyi tip metafory v diakhronii (na materiale pertseptivnoi leksiki russkogo iazyka)* [Cognitive type of metaphor in diachrony]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Vestnik of Omsk State University], 1999, Issue 4, pp. 81–84. Retrieved from: <http://www.omsu.ru/vestnik/articles/y1999-i4/a081/article.html> [in Russian].
4. Kanygina N.V. *Istoriko-etimologicheskii analiz glagolov leksiko-semanticheskogo polia intellektual'noi deiatel'nosti v russkom iazyke* [Historical and etymological analysis of the verbs of lexical and semantic field of intellectual activity in the Russian language]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2012, no. 4, pp. 83–92 [in Russian].
5. Talmy L. Lexicalization pattern: semantic structures in lexical forms. In: *Language typology and syntactic description*. V. 3. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985, pp. 57–149 [in English].
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980, 242 p. [in English].
7. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and Discourse]. *Teoriia metafory: sbornik* [Metaphor Theory: Anthology]. M.: Progress, 1990. 512 p.
8. Iliukhina N.A. *Porozhdenie kognitivnoi metafory v aspekte osoznavaemosti-neosoznavaemosti govoriashchim* [Creation of cognitive metaphor within the aspect of speaker's perception or non-perception]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2012. No № 8-1(99), pp. 111–118 [in Russian].

N.A. Ilyukhina*

**METONYMY AND COGNITIVE METAPHOR AS THE RESULTS
OF REALIZATION OF THE CONCEPT-SCENARIO IN SPEECH
(ON THE EXAMPLE OF THE SCENARIO OF UNDERSTANDING)****

In the article the role of the type of concept in the formation of cognitive metaphor and metonymy is viewed. The subject of the research is the mechanism of formation of cognitive metaphor and lexical metonymy on the basis of the concept-scenario and parallelism of their origin and usage in speech at reflection of one and the same situation of reality, in this particular case at nomination and metaphorical conceptualization of the situation of understanding as a mental act. The genesis of metaphor and metonymy is connected with the reduction of verbal or syntactical network at the representation of the process of understanding in speech. The dependence of cognitive metaphor of the scenario type and script metonymy on the structure of the scenario as the type of the concept against the background of other ways of implementation of the concept of script type is shown.

Key words: cognitive linguistics, conceptualization, concept, scenario, cognitive metaphor, typology of metonymy, script metonymy, perceptive metaphor.

Статья поступила в редакцию 15/VII/2016.
The article received 15/VII/2016.

---

* *Ilyukhina Nadezhda Alekseevna* (ilnadezhda@rambler.ru), Department of Russian Language and Mass Communications, Samara University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

** *The research was carried out with support from the Russian Foundation for the Humanities and the Government of the Samara Region (project «Figurative nomination and figurative conceptualization of the knowledge about the world in the semantic system: language and cognitive aspects» № 15-14-63002).*